

Как можно оценить результаты двухдневных обсуждений? Помимо очень важного обмена информацией, нового опыта профессиональных контактов и диалога, в нашем распоряжении объемистая рукопись из почти двух десятков докладов-статей, готовых к печати. Все они написаны на основе оригинальных источников, включая документы национальных движений и личные впечатления авторов, многие из которых сами являются участниками таких движений. Этот опыт исключительно ценен; еще ценнее было бы собрать его под одной обложкой. Всем известно, сколь динамична сейчас общественно-политическая ситуация в стране, особенно в сфере межнациональных отношений. Поэтому выход подобной книги стал бы заметным шагом в нашем понимании национальной ситуации, отражая уровень профессиональной компетентности этнографов и социологов к лету 1989 г.

Мы должны спешить, потому что время и обстановка меняются слишком быстро. Трагические летние события в Ферганской долине и в Абхазии уже отменили предлагавшиеся на сессии планы национально-политического решения судьбы турок-месхетинцев, федеративного устройства Абхазской АССР. Мы должны спешить, потому что невыслушанное мнение ученых, не использованные вовремя рекомендации — это еще один упущенный шанс избежать бессмысленных конфронтаций и новых трагедий.

И. И. Крупник

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ «СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА» В ПАРИЖЕ

Коллоквиум состоялся в Париже 16—18 марта 1989 г. Его организатором был Центр изучения СССР, Восточной Европы и тюркских регионов Высшей школы общественных наук Франции при содействии Национального центра социологических исследований. В коллоквиуме помимо французских и советских ученых приняли участие видные специалисты из Великобритании, США, Канады, ЮАР, Израиля, Турции.

Открыл коллоквиум президент Высшей школы общественных наук М. О ж е. В течение трех дней заседаний было заслушано 32 доклада, которые тематически группировались следующим образом: 1. **История науки** — М. Ф е р р о (Франция) «От единства наук о человеке и обществе к их дифференциации»; В. Б е р е л о в и ч (Франция) «К истокам русской этнографии: географическое общество 40—50-х годов XIX в.»; Э. В я р в (СССР) «Комплектование музейных коллекций при помощи корреспондентов»; И. С о р л е н (Франция) «К истокам исторической типологии фольклора: Марр, институт генетической лингвистики и молодой Пропп»; К. В. Ч и с т о в (СССР) «Изучение традиционного общества русских в советской этнографии». 2. **Концептуальный аппарат** — Ю. В. Б р о м л е й и А. И. П е р ш и ц (СССР) «Спонтанное и стимулированное развитие традиционных обществ в свете теории общественно-экономических формаций»; Э. Г е л л н е р (Великобритания) «Западные и марксистские точки зрения на типологию общества»; Ю. И. С е м е н о в (СССР) «Основные типы традиционных обществ и особенности их развития»; Т. Д р а г а д з е (Великобритания) «Перспективы понимания этничности»; В. И. П л о т к и н (США) «Дуальное мышление, тотализирующая идеология и советская этнография»; Б. П. Ш и ш л о (Франция) «Советская антропология в период перестройки»; В. Р. К а б о (СССР) «К истории изучения социальной структуры традиционных обществ в советской этнографии». 3. **Практика антропологии и роль этнолога** — Ж. К ю и з а н ь е (Франция) «Генезис этнических различий: от понятия к эмпирическим данным»; П. С к а л ь н и к (ЮАР) «Роль теории этноса в советской этнографии и в советской политике в „национальном вопросе“»; А. М. Х а з а н о в (Израиль) «Этническая ситуация в Советском Союзе: как она отражается в советской антропологии»; Ф. Л о н г е-М а р к с (Франция) «Этнографическая практика в СССР и функции этнографа на примере Дагестана»; Н. Н. С а д о м с к а я (США) «Новые обряды и советская антропология». 4. **Региональные исследования**. А. *Север и Сибирь* — В. И. В а с и л ь е в (СССР) «Традиционные общества Северо-Западной Сибири в советской антропологии (этнографии)»; И. И. К р у п н и к (СССР) «Малые народы северо-востока СССР: проблемы этнокультурной модернизации»; П. В и т е б с к и й (Великобритания) «Современное положение эвенков в Северной Якутии»; Ж. К а р р о (Франция) «Нация и универсальность: якуты сегодня»; Л. С. Б л э к (США) «Советский вклад в этнографию Аляски». Б. *Центральная Азия, Кавказ и Украина* — Г. Е. М а р к о в (СССР) «Традиционные общества Средней Азии»; Ш. Л е м е р с ь е-К е л ь к е ж е (Франция) «Этнолингвистическая проблема и советская политика в Дагестане»; Н. Д а д в и к (США) «Случай с кавказскими албанцами: этническая история и этническая политика»; Ф. М а м е д о в а (СССР) «Кавказский албанский „этнос“»; К. М у р а д я н (Франция) «Обзор армянской этнографии „Азгагракан хандес“ (1895—1916)»; В. *Регионы, расположенные за пределами СССР* — О. Р у а (Франция) «Понятие традиционного общества и политика умиротворения: Афганистан 1980—1988»; М. В. К р ю к о в (СССР) «Традиционная социальная организация горных мон-хмеров Вьетнама вчера и сегодня»; О. Ю. А р т е м о в а (СССР) «Традиционное общество аборигенов Австралии в советской антропологии»; Ж. П р э н ь е (Франция) «Советское видение эфиопской революции».

Коллоквиум явился заметным событием научной жизни. На нем состоялось открытое обсуждение в международной аудитории путей развития и современных проблем советской этнографии. Специфическую направленность придало этой встрече участие в ней ряда исследователей, сформировавшихся в рамках советской науки и внесших ощутимый вклад в ее развитие, но затем волею судеб продолживших свою научную деятельность за рубежом: В. И. Плоткина, Н. Н. Садомской, П. Скальника (уроженца Чехословакии, проходившего стажировку в СССР), А. М. Хазанова, Б. П. Шишло, а также Л. Блэк, русской по происхождению и хорошо знающей советскую этнографию. Их суждения, в которых они стремились свести воедино и «взгляд изнутри», и «взгляд со стороны», представляют для нас немалый интерес. Ни советские, ни зарубежные ученые не обходили вниманием острые, наиболее важные вопросы, и обсуждение не было ни легким, ни гладким. Не всегда было оно и вполне беспристрастным. Поэтому представляется важным как можно более точно и объективно осветить развернувшиеся на нем дискуссии, воздерживаясь от окончательных суждений, чтобы читатели могли делать собственные выводы. В то же время, исходя из главной проблематики и принципов построения докладов, целесообразно подчинить изложение содержания работы коллоквиума несколько иной логике, чем та, по которой составлена программа заседаний.

Так, доклады К. В. Чистова и В. И. Васильева, хотя и были связаны с разными этническими образованиями и регионами, одинаково имели преимущественно историографический характер и отражали главные тенденции в истории развития исследовательских интересов советских этнографов. К. В. Ч и с т о в а показал, что начавшийся в конце 1920-х годов ускоренный процесс урбанизации и ломки архаических традиций в русской деревне поставил этнографическое изучение русских перед необходимостью пересмотра целей, предмета, структуры исследований. После длительного периода дискуссий и поисков во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов сложилась ситуация, для которой характерно сочетание исторической этнографии и этнографии современности: изучение этногенеза, этнической и этнокультурной истории восточных славян и русских велось и ведется параллельно с этнографическим изучением современного города и села, изучение архаических форм социальной организации духовной культуры и быта — параллельно с изучением функционирования этнических традиций в современности, а также путей модернизации фольклора и народного искусства и т. д. Кроме того, в докладе были отражены исследовательские и издательские планы на будущее.

В. И. В а с и л ь е в показал, что изучение коренного населения Северо-Западной Сибири, базирующееся на комплексном использовании материалов полевой этнографии, археологии, физической антропологии, лингвогеографии, велось по трем основным направлениям: этногенез и этническая история, социальная структура и социальная история, культурогенез и формирование хозяйственно-культурных типов. Вместе с тем он стремился отразить и практическое, прикладное значение полевой работы советских этнографов.

Доклад Г. Е. М а р к о в а, напротив, был сконцентрирован не на историографии, а непосредственно на освещении основных этносоциальных и этнокультурных процессов, происходивших в Средней Азии в советское время, а также на проблеме трансформации и сохранности этнических традиций в этом регионе. И вопросы по докладу были связаны главным образом с конкретными событиями политической, социальной и этнической истории народов Средней Азии. Исключением был только один из вопросов, вошедший в русло обсуждения роли оценочных категорий в этнографии (о чем речь пойдет ниже).

В и н о м ключе построил свой доклад И. И. К р у п н и к. В центре его внимания были существенные расхождения в научных традициях советской и западных школ, рассмотренные на примере изучения малых арктических народов, в первую очередь их современного состояния. Такая направленность сблизила этот доклад с рядом докладов, отнесенных в общетеоретический раздел. Особое внимание докладчик уделил отсутствию в советской традиции двух тем, фундаментальных для западной школы изучения аккультурации: анализа разных половозрастных и социальных слоев аборигенных обществ и степени их участия в процессе модернизации; и исследования широкой сферы стресса, агрессии и конфликта, возникающей при взаимодействии аборигенной и интродуцированной внешней культуры. В советской традиции научного описания современное северное общество представляло единым, бесстрессовым и бесконфликтным. Это, а также значительные различия в терминологии и категориальном аппарате делали вплоть до самого последнего времени советские и западные публикации, полевые материалы трудно сопоставимыми. Положение стало меняться с середины 80-х годов. Но процесс сближения только начался, и в советской школе изучения модернизации у народов Севера отчетливо различаются традиционные, хорошо разработанные темы, только зарождающиеся новые направления и «пустые клетки» на месте многих фундаментальных для западной антропологии исследований.

В некоторых пунктах близким к этому выступлению был доклад Л. Б л э к, признавшей существование вклада русских этнографов в изучение коренного населения Аляски, а также плодотворность развивающегося в последние годы советско-американского сотрудничества в изучении малых арктических народов, но вместе с тем выразившей сожаление по поводу целого ряда обстоятельств, осложняющих это сотрудничество. Среди них назовем непонятность для современных американских исследователей значительной части общих концептуальных категорий, которыми оперируют советские этнографы и которые в основе своей восходят к эволюционизму XIX в. и давно вышли из употребления в западной литературе; отсутствие в советской этнографии ряда субдисциплин, давно разрабатывающихся в американской, в частности микроэтноистории (подробного, вплоть до изучения индивидуальных биографий исследования судеб отдельных мелких локальных групп); почти полное отсутствие в советской сибиреведческой литературе анализа и даже просто научных описаний систем терминов родства, отвечающих по качеству требованиям современной антропологии. С особым огорчением говорила Л. Блэк об отсутствии публикаций и недоступности для иност-

ранных ученых архивных материалов, в частности старинных русских картографических источников по Аляске, чрезвычайно необходимых не только антропологам, но и другим специалистам.

К историографическому разделу тяготел и доклад В. Р. Кабо, который подверг критическому разбору некоторые имевшиеся или еще имеющиеся в советской этнографии общетеоретические представления о стадильной атрибуции и об этапах эволюции социальной структуры традиционных обществ, именуемых первобытными. Он стремился показать, что ряд современных публикаций, и в частности второй том трехтомной коллективной монографии Института этнографии АН СССР «История первобытного общества», особенно его глава «Возникновение первобытной родовой общины», в основных своих положениях мало чем отличаются от теоретических построений 1930-х — начала 1950-х годов. Концептуальные решения остались на том же уровне, изменилась и модернизировалась преимущественно терминология. С некоторыми коррективами воспроизводится догматическая схема, согласно которой человечество якобы прошло через универсальные стадии «первобытного стада» и промискуитета, затем группового брака, матриархата и патриархата. Правда, теперь два последних термина заменены терминами «эпоха материнского рода» и «эпоха отцовского рода». Для обоснования этой схемы по-прежнему широко используется так называемый метод пережитков, когда отдельные обычаи современных народов, живущих в различных частях земного шара и достигших разных ступеней социальной эволюции, проецируются в глубокое прошлое, в эпоху неандертальцев или даже архантропов. Незыблемым остается представление об универсальности родовой организации, и род, как и двадцать и тридцать лет назад, отождествляется с общиной. А все этнографические факты, которые не укладываются в эту схему, приписываются действию каких-то чуждых, деформирующих сил. Схема эта преподается и студентам во всех вузах страны. В качестве примера был упомянут учебник «Докапиталистические способы производства и их современные формы», изданный Московским университетом в 1986 г. (автор Ю. М. Рачинский) и рекомендованный для преподавателей высшей школы, научных работников, аспирантов и студентов. В нем, в частности, сохранена концепция матриархата в той трактовке, что существовала во времена сталинизма.

Вместе с тем в докладе были отмечены и некоторые сдвиги в изучении истории первобытного общества: новые подходы к проблеме первобытного коллективизма (исследование первобытной социальной неоднородности), более глубокий анализ общественного сознания первобытной эпохи, обращение к проблемам экологии и т. п.

В одном из комментариев по докладу выражалось удовлетворение, что советские ученые перестали быть монолитным единством и выступают как представители различных позиций. А в другом — А. И. Першица — отмечалось, что хотя плюрализм мнений среди ученых — явление безусловно положительное, он должен сочетаться с корректностью и точностью при характеристике ситуации в науке, в докладе же это требование оказалось нарушенным. Выхваченные из контекста цитаты из второго тома трехтомника «История первобытного общества» и учебник для экономистов, написанный неспециалистами, не могут отражать положения в современной этнографии в целом. Есть всесоюзный учебник «История первобытного общества», написанный специалистами, в котором однозначно говорится, что многие прежние понятия, в частности «матриархат», давно устарели. Недопустимо отождествлять матриархат с материнским родом, патриархат — с отцовским. Необъективно говорить о современном состоянии изучения истории первобытного общества, не упоминая этого учебника, да и целого ряда других публикаций. На это В. Р. Кабо возразил, что основной задачей доклада было показать, что в целом концептуальная схема и методологический аппарат истории первобытного общества остаются прежними. Примеры же из учебника для экономистов были приведены потому, что студентов-экономистов тысячи, а этнографов значительно меньше. Такие учебники, использующиеся широкими категориями учащихся, создают ситуацию, препятствующую проникновению новых идей.

В некоторых пунктах к теме этой дискуссии приближался доклад О. Ю. Артемовой. Она стремилась показать, что история изучения традиционного общества аборигенов Австралии отражает некоторые весьма существенные тенденции развития в советской этнографии общей теории эволюции ранних форм социальных отношений. Особое внимание было уделено короткому, но очень плодотворному периоду второй половины 20-х и самого начала 30-х годов, отмеченному выходом ряда выдающихся исследований, которые создавались с учетом всех новейших достижений западной науки. Последствия наступившего в 1930-е годы регресса в области теоретической мысли и разрыва с западной наукой с трудом преодолевались в 60—70-е годы и дают о себе знать до сих пор. Несмотря на отказ от догматизма прежних лет сохраняется все же определенная несогласованность между общими теоретическими установками и этнографическими, в том числе австралийскими, фактами. В пример было приведено представление о роде как об универсальном единообразном институте первобытности, которое плохо сочетается с многообразием разнофункциональных родственных объединений и австралийцев, и других традиционных обществ. Отвечая на возникший в связи с этим вопрос В. Плоткина, можно ли ожидать, что советская этнография откажется от «идеологически заряженного» понятия род, докладчица назвала две возможности: либо углубление содержания этого понятия, либо замена представления о стадильной универсальности рода представлением о родстве как об универсальном стадильном принципе, структурирующем различные по форме и по функциям корпоративные группировки. Именно такое решение напрашивается по африканистическим работам ленинградских исследователей Н. А. Гиленко и В. А. Попова и кажется ей самой предпочтительным.

В открывшем концептуальный раздел коллоквиума докладе Ю. В. Бромлея и А. И. Першица, представленном А. И. Першицем, отмечалось, что отказ от вульгаризированного представления, будто чуть ли не каждое общество в своем спонтанном развитии проходит все формационные стадии, имеет большое значение для понимания развития традиционных обществ. Отставшие

общества, получая стимулы извне, как бы подтягиваются к тем, которые опередили их в своем историческом развитии. Отсюда два основных пути исторического развития традиционных обществ — преимущественно спонтанное и преимущественно стимулированное. Первый путь неизбежно вел к исторической отсталости или даже в «исторический тупик», а второй путь, при котором подчас происходил недостаточно подготовленный их прежней эволюцией «прыжок» традиционных обществ через одну-две формационные ступени, чреват далеко не однозначными результатами.

Этот доклад вызвал оживленную дискуссию, показавшую некоторые принципиальные расхождения во взглядах. В частности, К. Теди и Б. Шишло (Франция) указали на то, что процессы, названные в докладе стимулированным развитием, были тесно сопряжены с жестоким колониальным притеснением малых народов со стороны индустриальных держав, и поэтому такое развитие вряд ли можно считать прогрессом. Б. Шишло отметил также, что концепция, выдвинутая в докладе, ставит под сомнение то изложение советской истории, которое давалось раньше. Высказывались также возражения против употребления термина «традиционные общества» как созвучного термину «примитивные общества», т. е. имеющего оценочное звучание, а кроме того, не слишком ясного и адекватного, ведь и в современных индустриальных обществах велика сила традиций. А. И. Першиц, отвечая оппонентам, подчеркнул, что авторы доклада отнюдь не пытались обойти, а, напротив, акцентировали тот факт, что за прогресс, за приобщение к цивилизации многие народы заплатили дорогой ценой и исторический процесс в целом всегда был кровавым процессом. Что же касается нашей недавней истории, то многое теперь в ней переоценивается, в значительной своей части она будет писаться заново. Он также выразил несогласие с критикой термина «традиционные общества», считая, что поскольку все докапиталистические общества действительно отличались большей приверженностью традициям, чем индустриальные, постольку этот термин и достаточно точен, и ни для кого не обиден.

Ю. И. Семенов в своем докладе тоже уделил значительное внимание понятию «традиционные общества», под которым он объединил все докапиталистические общества, включающие общества первобытные, предклассовые, политарные (основанные на азиатском способе производства), рабовладельческие и феодальные. Традиционные общества политарного и рабовладельческого типа, по мысли докладчика, характеризуются такими способами развития производительных сил, которые неизбежно заводят в тупик. Все дожившие до сравнительно недавнего времени традиционные общества — первобытные, политарные и феодальные — были стагнирующими.

Дискуссия по этому докладу в основном была связана с теми же разногласиями, которые обнаружались в предыдущей дискуссии и к которым участники коллоквиума возвращались неоднократно. В частности, была поставлена под сомнение научная корректность таких понятий, как «исторический тупик» или «тупиковый путь развития».

Различиям между советским и западным пониманием хода и сущности исторического процесса был посвящен доклад Э. Геллнера. Суть его заключалась в следующем. Советская — марксистская — модель социального развития исходит из прямолинейного движения от низших к высшим стадиям, в котором человечество проходит пять формационных ступеней. Большинство западных исследователей опираются на совсем иную модель, восходящую к теории Макса Вебера. Существуют три типа обществ — доземледельческие, доиндустриальные и индустриальные. Превращение обществ одного типа в общества другого типа происходит не вследствие закономерного развития, как думают марксисты, а в результате «случайных прорывов», и поэтому нет никакого единого пути развития и единого его конечного результата. В рамках этой концепции нет места такому понятию, как «спонтанное развитие». И если в глазах советских исследователей все первобытные общества весьма схожи, то в глазах западных исследователей все, скажем, доиндустриальные общества очень различны.

В дискуссии по докладу Э. Геллнера Г. Е. Марков выразил несогласие с противопоставлением марксизма западной науке. Марксизм возник на Западе, существует там и теперь. Нужно противопоставлять марксизм творческий марксизм догматическому. В. Плоткин отметил, что в трудах Маркса нет обоснования пятичленной формационной модели. Она сложилась на русской почве, где марксизм приобрел теологический мессианский налет — веру в конечное торжество справедливого социального устройства. По замечанию К. Теди, разница между советской и западной точками зрения в том, что одна оптимистична, а другая пессимистична. Первая не учитывает всей сложности и всего многообразия действительности, но зато оставляет за человеком возможность выбора своего пути в будущее, вторая учитывает сложный комплекс факторов, но не оставляет возможности выбора. В ответ Э. Геллнер возразил, что западная модель не пессимистична, а нейтральна.

Содержание некоторых докладов зарубежных коллег выходило за пределы темы коллоквиума, так как они пытались не только охарактеризовать изучение традиционных обществ в советской этнографии, но и определить специфику нашей науки, понять ее отличия от западной антропологии, выделить моменты, сближающие и разобщающие, мешающие взаимопониманию и налаживанию плодотворных контактов. А один из докладчиков, В. И. Плоткин, стремился подойти к делу еще шире и рассмотреть под этим углом зрения не только этнографическую науку, но и русскую и советскую интеллектуальную традицию в целом. По его мысли, концептуальные различия между советской и западной антропологией гораздо глубже, чем различия между марксистским и немарксистским мировоззрением. Различия эти коренятся в принципиально отличных традициях мышления, которые в свою очередь обусловлены глубоко различными путями социального развития. Для русской интеллектуальной традиции издавна характерен крайний дуализм, полярность культурных ценностей, а также слияние гуманитарного знания и идеологии, которая не признает ни этически нейтрального поведения, ни этически нейтральных событий социальной жизни и которая всегда была пронизана духом эсхатологии и мессианства. Такая интеллектуальная традиция, в которой нет места для этически нейтральной зоны (а именно в этой зоне обычно накапливается потенциал

для позитивного развития) и в которой изменения сплошь и рядом принимают форму смены полярности культурных ценностей (то, что раньше считалось положительным, начинает расцениваться как отрицательное и наоборот), представляет весьма благоприятную основу для складывания ортодоксий. Лучший пример — метаморфозы, происшедшие с марксизмом на русской почве: превращение его в сталинскую ортодоксию, которая на целых 20 лет полностью задавила свою потенциальную соперницу — теоретическую этнографию. Но даже и после преодоления сталинского догматизма, даже и с началом перестройки, даже и наиболее критически мыслящие советские ученые не анализировали влияние традиции мышления на формирование современных научных теорий. Только антропологам по силам провести такую работу, а затем и нарушить привычную практику соединения теории с идеологией и создания ортодоксальных доктрин с научным, политическим и этическим содержанием одновременно. Без критической самооценки со стороны советских исследователей и без ломки охарактеризованной традиции диалог между советской и западной наукой останется лишь на нынешнем поверхностном уровне.

За этим докладом последовало немало скептических вопросов и критических откликов. Так, Р. Шатцман (Франция) и Л. Блэк настаивали на том, что русская интеллектуальная культура не Восток — Запад, а может быть, даже менее дуалистична, чем западная. Например, сказала Л. Блэк, для русской религиозной мысли, в отличие от западной, не характерно резкое противопоставление души и тела. Вместе с тем она признала большую роль эсхатологии и мессианства в развитии русской мысли и возможное влияние этой традиции на русский марксизм. А. Берелович (Франция) заметил, что дуализм — мышление оппозициями, который в пору увлечения структурализмом анализировался Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским в известной и не раз цитировавшейся докладчиком статье о русской культуре, это нечто совсем иное, чем дуализм, о котором шла речь в докладе. Дуализм в структуралистском понимании универсален. Да и вообще попытки определить сущность русской мысли — это как раз в духе той интеллигентской традиции, от которой нужно избавляться и которую не нужно повторять. К. В. Чистов выразил полное согласие с последним высказыванием. В нашей стране, добавил он, интеллектуальная жизнь развивается так интенсивно, что каждое слово, сказанное сегодня о вчерашнем дне, может быть устаревшим. Чтобы сближение между советскими и западными антропологами развивалось естественным путем, нужно отказаться от привычки смотреть друг на друга в телескоп и через железный занавес. Тогда не будет противопоставлений типа Восток — Запад. Сомнительно, чтобы западная этнология была единой. Зачем создавать неидеализированный имидж, он не годится ни для зарубежных, ни для советских ученых. И нужно помнить, что научная традиция у нас не прерывалась даже в самые жесткие времена и наряду с людьми сервильными были честные ученые, которые делали все, что могли, чтобы наука не угасла. Еще большие возражения вызывает противопоставление Востока и Запада, когда оно распространяется на всю русскую историю. Разговоры о «загадочной русской душе» совершенно бесплодны. Чтобы понимать друг друга, нужно признать русскую культуру европейской, в противном случае Толстой, Достоевский, русские модернисты не могли бы оказать столь большого влияния на развитие европейского искусства. Мы должны, как говорил М. С. Горбачев, создавать новый стереотип: все мы живем в одном Доме.

В поддержку В. Плоткина высказался Б. Шишло. По его словам, в выступлении К. В. Чистова проявилось совсем иное понимание дуализма, чем у докладчика. Как в свое время Пропп истолковал примененное Леви-Строссом к его научному методу определение «формализм» в сугубо отрицательном смысле, хотя для Леви-Стросса оно звучало нейтрально, так и К. В. Чистов счел, что «дуализм» в применении к русской культурной традиции звучит уничижительно, и тем самым подтвердил главную мысль В. Плоткина: единства и должного взаимопонимания между Востоком и Западом нет, его нужно создавать. Есть реальная проблема, и не следует закрывать на нее глаза. В своем собственном докладе Б. Шишло говорил о консерватизме советской этнографии, который сохраняется и в эпоху перестройки, когда радикальные перемены сделали неузнаваемыми многие области советской культуры и даже такие науки, как история и социология. Правда, признал докладчик, два события — беспрецедентная критическая статья М. В. Крюкова в журнале «Советская этнография» (№ 1 за 1988 г.) и молодежный номер журнала (№ 5 за 1988 г.) — свидетельствуют о том, что и этнография начала менять свое лицо. Две главные беды этой науки в Советском Союзе он видит в описательном характере дисциплины (он отражается даже в названии — «этнография», возобладавшем в 1920-е годы над термином «этнология») и в добровольном отказе обрести независимость от истории, вследствие чего чрезвычайно по сравнению с западной антропологией сужено поле ее исследований. Плохую службу сослужило советской этнографии и представление о том, что наличие единой «советской этнографической школы» составляет ее силу перед «разнобояем, царящим на Западе». Признание того, что в сложной и внутренне противоречивой системе, какой является человечество, заложены различные, в том числе и немарксистские, способы познания, было бы проявлением подлинной перестройки в советской этнографии. В заключение было высказано пожелание, чтобы советская этнография как можно скорее стала советской антропологией с подобающим ей широким полем исследований и высоким общественным статусом, при котором антропологи будут признаны необходимыми экспертами в разнообразных насущных вопросах социально-политической жизни, будут, как на Западе, входить в правительственные органы, направлять деятельность специальных правительственных комиссий подобно тому, как во Франции в 1989 г. антрополог-африканист Франсуаза Эритье-Оже возглавила сформированный правительством Национальный совет по СПИДу.

Неоднократно, как уже говорилось, поднималась в ходе коллоквиума проблема соотношения аксиологии и антропологии. По убеждению большинства западных исследователей, о чем говорили Л. Блэк, Э. Геллнер, В. И. Плоткин, Т. Драгадзе, Н. Н. Садомская, введение этических оценок, и в частности деление традиций на положительные и отрицательные, противопоказано научному

анализу. Иначе невозможно отделить науку от идеологии, которая сковывает исследователя и делает неизбежными некорректные этноцентрические суждения. Советская антропология, по мнению названных ученых, остро нуждается в выработке «ненормативного языка». Постоянно встречающиеся в советской научной литературе термины типа «достижения», «расцвет», «упадок» и т. п. чрезвычайно затрудняют взаимопонимание между советскими и западными учеными. Антропологии необходимо иметь объективные научные категории и оперировать исключительно ими. По убеждению ряда советских этнографов (оно отстаивалось Г. Е. Марковым и А. И. Першицем), выработка аксиологических подходов к этническим традициям (с точки зрения их непосредственной пользы или вреда для людей, с общечеловеческой точки зрения, с точки зрения формационной теории исторического процесса и прогресса морали) — необходимая и органическая часть антропологии.

Подробно обсуждалась на коллоквиуме советская теория этноса. Т. Драгадзе в своем докладе, в частности, отметила, что хотя советская академическая теория этноса до недавнего времени носила по преимуществу схоластический характер и завуалированными средствами подстраивалась под государственную национальную политику, она все же способствовала прогрессу теоретической мысли. Само понятие «этнос» имеет внеклассовый характер, плохо сочетается с негибкой и сковывающей научный поиск пятичленной формационной схемой исторического процесса, а потому как бы исподволь эту схему расшатывает и уж по крайней мере позволяет преодолевать ее тормозящее действие. Один из главных изъянов советских теоретических работ по этносу докладчица видит в том, что в отличие от британских они вплоть до самых последних лет почти не рассматривали проблемы национализма и межнациональных конфликтов. Сейчас эти проблемы стали достоянием гласности, правда, чаще они поднимаются неспециалистами, но и академическая этнография начинает их обсуждение. Перемены последних лет позволяют надеяться, что может быть создана почва для сближения британской и советской моделей этничности и для плодотворного диалога.

Ж. Кюизанье сосредоточил внимание на существенных несоответствиях теоретических представлений об этносе и этнических процессах эмпирическим данным, собранным в 1976—1981 гг. в ходе широких сравнительных обследований, которые были организованы Венским центром под названием «Основные направления и тенденции культурного развития в современных обществах. Взаимодействие национальных культур» и в которых наряду с учеными из СССР принимали участие специалисты из Греции, Италии, Польши, Румынии и Франции.

В русле этой тематики вошел и доклад М. В. Крюкова, основанный на наблюдениях, полученных в ходе советско-вьетнамских исследований среди горных мон-кхмеров Южного Вьетнама. Нарисованная им картина — социальная структура, хозяйственная жизнь, языковая ситуация, система родственных отношений и их терминологическое оформление, характер группового самосознания и самоидентификации индивида — также показала, как тесны рамки господствовавших до последнего времени в нашей науке общетеоретических представлений о типах этнических общностей, их иерархии и самом понятии этноса. Картина эта во многих своих чертах вписывается в концепцию «этнической непрерывности», которая в ходе обсуждения доклада была признана рядом выступавших (Л. Блэк, Б. Шишло, П. Витебский) весьма плодотворной и достаточно адекватно определяющей не только ситуацию в горных областях Южного Вьетнама, но и в немалом числе других регионов, в частности сибирских. Поддержку получила также мысль докладчика о том, что явление «этнической непрерывности» теснейшим образом связано с распространением определенных типов систем родства, в терминологии которых феномен «непрерывности» или «переходности» между отдаленными этническими образованиями прослеживается особенно наглядно.

На стыке обсуждения теории этноса, проблем статуса и роли советских этнографов в политической, социальной и культурной жизни страны были доклады П. Скальника и А. Хазанова, отличавшиеся сугубо критической направленностью. По мнению первого, теория этноса, предложенная и развивающаяся Ю. В. Бромлеем в конце 60-х и в 70-е годы, опирается на некоторые положения, выдвинутые выдающимся русским этнологом С. М. Широкогоровым, и вместе с тем на сталинскую теорию наций, включая также отдельные элементы популярных тогда биологических и психологических концепций. Далекая от действительности, она имела главной своей целью поднять статус этнографической науки и ее руководителя в глазах партии и правительства и полностью оставляла все решения по национальному вопросу в сфере компетенции политиков. Такая теория вполне устраивала правительственные круги, а советская этнография в целом продолжала оставаться подсобной дисциплиной и служить злободневным пропагандистским целям, к примеру — поставлять аргументы в пользу политической доктрины об образовании суперэтнической общности «советский народ». В результате, занимаясь вместо углубленных исследований национальных процессов балансированием между наукой, политикой и идеологией, советская этнография оказалась совершенно неподготовленной, когда в стране со всей остротой встали труднейшие проблемы национальных отношений.

Выступая в дискуссии по этому докладу, Т. Драгадзе внесла ряд существенных поправок. Она, в частности, заметила, что Ю. В. Бромлей в 60-е годы не был ни первым, ни единственным, кто занимался созданием теории этноса. Еще до него о понятии этноса и этнических процессах писали С. А. Токарев, В. И. Козлов и др. исследователи. Отсюда видно, что разработка такой теории назрела в самой этнографической науке, а отнюдь не диктовалась исключительно конъюнктурными соображениями. Да и теория Бромлея не навязывалась советской этнографии в качестве официального общеобязательного кредо. Тогда велись широкие дискуссии. М. В. Крюков также выразил несогласие с тем, что созданная в конце 60-х — в 70-е годы теория этноса это лишь попытка приспособить науку для нужд официальной идеологии. Ведь сам докладчик говорил, что на нее повлияли идеи Широкогорова. Главная беда в том, что разрабатывавшееся им направление было прервано надолго в нашей науке и восстанавливалось в послевоенное время с большими муками. Элементы сталиниз-

ма, конечно, есть в современной теории этноса, есть и политические плеве́лы, но нужно уметь видеть и сугубо научную основу.

Вслед за П. Скальником А. М. Хазанов стремился продемонстрировать, что, несмотря на провозглашение в Советском Союзе этнографии наукой об «этносе» и на уделение в течение многих лет особого внимания изучению современных этнических процессов, советские этнографы не смогли адекватно описать и оценить этническую ситуацию в стране. Скорее это их беда, чем их вина, но нельзя не сознавать, что хотя официальная концепция этнических отношений в СССР исходила не из этнографических, а из политических кругов, многие этнографы отдавали немало времени и усилий ее обоснованию, а факты, ей противоречащие, отражались в этнографической печати лишь изредка и обычно эзоповым языком. Даже сейчас, в период гласности, считает докладчик, этническая ситуация в СССР гораздо смелее обсуждается общественностью, чем большинством специалистов. Не связано ли такое положение с нежеланием некоторых представителей «советского этнографического истеблишмента» признать старые грехи и новые реальности, спрашивает он и в заключение признает, что в самое последнее время наметились определенные сдвиги к лучшему, о чем свидетельствуют выступления ряда молодых ученых, которые не боятся поднимать и наиболее острые в политическом отношении вопросы.

В унисон с высказываниями о том, что основная беда советской этнографии — ее низкий политический статус и подчиненность государственной идеологии, делавшие вплоть до недавнего времени невозможными ни углубленное изучение наиболее сложных конфликтных сторон жизни народов СССР, ни влияние ученых на национальную политику властей в целях предупреждения или прекращения ее отрицательных последствий, — прозвучал доклад П. В и т е б с к о г о. В нем были представлены результаты недавних полевых наблюдений автора у эвенков Якутии. Целый ряд чрезвычайно трудных проблем их современного социально-экономического положения, и в частности упадок оленеводческого хозяйства, он связал с состоянием глубокой психологической неудовлетворенности людей, наступившей вследствие резкого нарушения их традиционной социальной структуры и, главное, семейной жизни.

Несколько участников коллоквиума, в частности Т. Драгадзе, указывали на необходимость дифференцированно оценивать работу советских исследователей и в прошлом и в настоящем, принимать во внимание, что советские этнографы очень различаются и по своим личностным качествам, и по убеждениям, и по творческим установкам.

Н. Н. С а д о м с к а я с большой теплотой и знанием дела говорила о целой плеяде советских этнографов — в их числе были названы Н. П. Лобачева, Л. Ф. Моногарова, Б. Х. Кармышева, А. В. Смоляк и др., — которые посвятили себя многолетнему и порой очень самоотверженному труду по изучению быстро исчезающих старинных традиций различных народов СССР. Эти люди спешили сделать то, что последующим поколениям будет уже недоступно. Они с уважением относились к древней культуре изучаемых народов и испытывали сожаления о том, что эта культура уходит, порой оставляя за собой пустоту. Иначе оценивает Садомская ту работу советских этнографов, которая явилась откликом на призыв властей к изживанию так называемых вредных обычаев и обрядов и замене их новым ритуализмом, отвечающим запросам социалистического строительства. Созданную по такому «политическому заказу» сугубо искусственную, лишенную подлинной функциональности и плохо приживающуюся, несмотря на пропагандирование и финансирование, обрядность, докладчица противопоставила спонтанному и безусловно функциональному ритуализму новых неформальных объединений подростков и молодых людей, не поддерживаемых ни властями, ни даже собственными родителями. В докладе использовались материалы высоко оцененной и многими другими зарубежными участниками коллоквиума статьи Т. Б. Щепанской «Процессы ритуализации в молодежной субкультуре» (СЭ. 1988. № 5).

В ходе одной из дискуссий Т. Драгадзе привлекла внимание к тому, что этнографическая наука в СССР представлена не только московской и ленинградской частями Института этнографии АН СССР, деятельность которых обсуждается на коллоквиуме преимущественно, а и многочисленными этнографами, работающими в провинции. И их отношения с властями складываются куда более драматично, они испытывают гораздо более сильный контроль и давление.

Этнографам, работающим в периферийных научных учреждениях, было уделено значительное внимание в докладе Ф. Л о н г е - М а р к с, имеющей опыт экспедиционной работы в Дагестане. Она, в частности, рассказывала о том, как проводятся полевые исследования, подчеркивая, что в отличие от западных антропологов советские очень часто едут в поле на гораздо более короткие сроки и не по-одному или по-двое, а целыми экспедиционными отрядами, располагаясь обособленно от местных жителей. И в том и в другом она видит существенные минусы, в частности невозможность «включенного наблюдения», дающего столь богатые результаты. Во многих случаях этнографы, работая в поле, помимо исследовательских задач выполняют еще и функции политико-идеологические, пропагандистские — «играют роль как бы приводного ремня власти», ведя среди местных жителей работу информационно-пропагандистского характера. В условиях политики перестройки многое в советской этнографии станет меняться, очевидно, изменятся и методы полевой работы, и понятийно-терминологический аппарат, и статус этнографа. Нарастающая напряженность в национальном вопросе будет все больше и больше втягивать этнографов в орбиту политических проблем. А это связано с огромной ответственностью. Если интересы государства и собственного народа вступят в конфликт, чью сторону примут этнографы? Последние публикации, заключает докладчица, показывают, что в СССР есть специалисты, способные подойти к подобным проблемам объективно, смотреть реальности в глаза и отстаивать свои убеждения.

Несколько наших иностранных коллег говорили о политической и идеологической тенденциозности, которую порой обнаруживают в СССР и исследования по таким, казалось бы, далеким от текущей жизни темам, как этногенез или древняя этническая история. Ж. К а р р о, например,

стремился показать, что якутские этнографы, восстанавливая генезис своего народа, пытаются истолковывать свидетельства источников в пользу именно таких гипотез, которые им представляются наилучшим образом отвечающими потребностям современного национально-культурного развития якутов, способствующими повышению их национального статуса, их «этническому самоутверждению».

Н. Д а д в и к, проведшая 9 месяцев в Армении и заставшая начало событий в Нагорном Карабахе, говорила о том, как азербайджанские и армянские историки и этнографы, занимаясь проблемами древней этнической истории Закавказья, порой пытаются находить аргументы, подкрепляющие позиции своих наций в современном национально-территориальном конфликте, подчас работая на весьма низком профессиональном уровне и иногда даже допуская фальсификации или «этногенетическое мифотворчество». В качестве примера были проанализированы споры об этническом составе Кавказской Албании I—VIII вв.

Сразу же за этим выступлением следовал доклад Ф. М а м е д о в о й, отстаивавшей мнение, что в Кавказской Албании I—VIII вв. при этнической пестроте имелся один доминирующий этнос — албанцы, впоследствии деэтнизированный. В докладе критиковалась точка зрения, согласно которой особого албанского этноса не существовало, а албанами в древних источниках именовалось доминирующее армянское население.

Дискуссия по этим докладам развивалась в двух направлениях: во-первых, обсуждались глубоко специальные исторические вопросы, во-вторых, в частности К. В. Чистовым, говорилось о моральной ответственности этнографов и историков перед своим и другими народами, о недопустимости их участия в создании «этнических мифологий» националистического толка и о недопустимости привлечения «исторических» аргументов для оправдания современных территориальных притязаний или разрешения современных межнациональных конфликтов. Выступая в этой дискуссии, И. И. Крупник отметил, что резкое возрастание социальной значимости споров по поводу, казалось бы, чисто академических проблем этногенеза и этнической истории характерно не только для ситуации с Кавказской Албанией. Борьба за «албанское наследство», кстати, ведется не только между армянскими и азербайджанскими, но и между грузинскими и азербайджанскими учеными. Неожиданную современную политическую подоплеку получают и споры об этногенезе абхазов между абхазскими и грузинскими историками, проблема «булгарского наследия» в Поволжье. Вспомним также идею об «исконности» или «автохтонности» славянского населения в Крыму и «пришлости» крымских татар, которая имела чисто политическую основу. Особенность ситуации с Кавказской Албанией в том, что она оказалась в эпицентре вполне реального этнического конфликта. Слова «Арцах» и «Карабах» стали лозунгами многотысячных демонстраций, массовых политических движений. Дискуссии об этногенезе превратились в повод для национального возбуждения. Такое произошло впервые в истории советской науки, и ученые оказались к этому совершенно не готовыми. Поэтому опыт и анализ аналогичных зарубежных прецедентов имеет для нас огромное значение.

Не имея возможности остановиться на каждом прозвучавшем на коллоквиуме выступлении, упомянем еще одно, занявшее совсем особое место. Это доклад О. Р у а, который по ряду косвенных данных пришел к выводу, что хотя во время войны в Афганистане академическая этнография не привлекалась для содействия советской армии, характер проведения ряда военных операций 1983—1984 гг. свидетельствует о наличии в ее командном составе или скорее в числе служивших в Афганистане сотрудников Комитета госбезопасности людей с высокой этнологической квалификацией, причем оправравшихся в своих рекомендациях не на советскую марксистскую этнографию, а на современные теоретические модели западной антропологии.

В заключительной дискуссии, подводившей итоги работы коллоквиума, выступали П. Скальник, А. М. Хазанов, Т. Драгадзе, Э. Геллнер, К. В. Чистов, А. И. Першиц, М. В. Крюков, М. Пийо и др.

В качестве одного из центральных в этой дискуссии вновь был поднят вопрос о моральной ответственности советских этнографов перед изучаемыми народами. Выступая по этому поводу, А. И. Першиц подчеркнул, что хотя советские этнографы действительно не сыграли надлежащей роли в выработке национальной политики, было бы неверно не видеть, как быстро возрастает эта роль теперь, в ходе перестройки. В Институте этнографии создан центр по изучению национальных проблем, в журнале «Советская этнография» все активнее обсуждаются национальные проблемы и их решения, этнографы начали включаться в состав правительственных комиссий и т. д. Это замечание было поддержано и развито К. В. Чистовым. Он сказал о том, что редкие номера журнала «Советская этнография» в настоящее время обходятся без дискуссий по межнациональным отношениям, и ведутся они серьезно и открыто. Очень много делается Институтом этнографии в порядке подготовки к Пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу. Да и в прежние времена этнографы не молчали и не бездействовали. Они писали многочисленные докладные записки по сложным национальным проблемам, в которых содержались и конкретные рекомендации, и предупреждения о возможных конфликтах, не их вина, что предупреждения и рекомендации эти не принимались во внимание.

И. И. Крупник говорил о необходимости иметь в виду ряд обстоятельств, названных им оппозициями, без учета которых нельзя составить адекватное представление о положении в советской этнографии. Во-первых, научное исследование не поспевает за текущей динамикой событий. Во-вторых, существует оппозиция между тем, что он назвал «воздухом науки», и официальными публикациями. И наконец, в-третьих, оппозиция между разворачиванием проектов исследований и обнародованием их результатов. К тому времени, когда результаты исследований доходят до печати, они уже перестают отражать реальную ситуацию. Если все это не принимать во внимание, несоответствия будут чрезмерными.

В заключающем выступлении М. Пийо, президент Французской антропологической ассоциации, высказал большое удовлетворение содержанием этой международной встречи и сказал, что размышления о путях развития советской антропологии, которыми поделились друг с другом ее участники, чрезвычайно его заинтересовали. Вместе с тем, отметил он, проблемы и трудности, с которыми сталкиваются советские исследователи, не представляются ему ни уникальными, ни специфически советскими. С такими проблемами и трудностями приходится иметь дело антропологам во всем мире. В каждой стране, и в том числе во Франции, есть вопросы, тесно связанные с государственной политикой и идеологией, есть темы, о которых трудно писать непредвзято и говорить открыто. Во Франции — такова проблема французского национального самосознания. Чтобы научиться преодолевать такие трудности, антропологи должны включить самих себя в поле своих исследований, и проведенный colloquium явился одним из шагов в этом направлении.

Заканчивая отчет об этой встрече, вместо обобщающего заключения приведу слова из выступления М. В. Крюкова, которые, как представляется, в сложившейся ситуации были найдены очень удачно: «Цель проведенного colloquium — способствовать поискам взаимодоступного языка и сближению позиций советских и зарубежных антропологов, и это сильно отличает данную встречу от многих прежних, в которых участники нередко стремились к углублению конфронтации и считали своим долгом во что бы то ни стало опровергать любую критику. Поэтому хотя со многим услышанным трудно согласиться и многое показалось нам не вполне справедливым, в современных условиях важнее прежде всего думать о том, с чем все-таки мы можем согласиться, а уж потом не спеша и обстоятельно начать разбираться в том, что нам не близко».

Следует также выразить признательность всем организаторам colloquium и в особенности ученому секретарю colloquium доктору В. Береловичу, на долю которого выпала значительная часть организационных забот.

О. Ю. Артемова

ХІХ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В мае 1988 г. в Москве в Институте востоковедения АН СССР состоялась очередная XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании. В работе конференции приняли участие австраловеды и океанисты Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Владивостока, Курска, Новосибирска, Запорожья и других городов. С докладами выступили представители различных научных дисциплин: экономисты, политологи, историки, этнографы, археологи, литературоведы, лингвисты. К началу конференции как всегда были опубликованы расширенные (до 0,4 п. л.) тезисы докладов*.

Председатель конференции К. В. М а л а х о в с к и й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в своем вступительном слове подчеркнул, что события, происходящие ныне в Австралии и Океании, привлекают к себе все более пристальное внимание мировой общественности. Раздаются голоса (в частности, в Японии) о том, что наступает «тихоокеанская эра», которая заменит «эру стран Атлантического океана». В Австралии, Новой Зеландии и других странах происходят ныне важные экономические и политические процессы. В молодых государствах Океании развертывается борьба против неокOLONИализма. На островах и архипелагах, еще не добившихся политической независимости, вспыхивают восстания против колониального гнета. Тихий океан перестал быть тихим. Происходящие там бурные события требуют глубокого изучения и правильной оценки.

Значительная часть докладов на конференции была посвящена проблемам экономики, политики и истории стран Тихоокеанского региона. Проблемы экономики освещались в докладах В. Я. А р х и п о в а (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Австралия и АСЕАН: экономические отношения в первой половине 80-х годов»; М. М. С о л о д к и н а (Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, Москва) — «200 лет развития капитализма в Австралии (опыт и уроки развития)», М. А. М а к о в с к о й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные тенденции развития экономики Австралии»; К. Ю. Л и п о в с к и й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Некоторые проблемы морского торгового судоходства в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 80-е годы».

Современные политические проблемы независимых государств Океании были проанализированы в докладах О. В. Ж а р о в о й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные этапы формирования партийно-политической системы Австралии» и А. В. Т о р к у н о в а (Ин-т международных отношений, Москва) — «Новые тенденции в развитии обстановки в странах Океании и в их внешнеполитических связях».

* Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тез. докл. Часть I, стр. 3—124; Часть II, стр. 125—302. М., 1988. В настоящем сообщении упоминаются только те доклады, которые были прочитаны на конференции.